

ЗАМІТКИ

Об обстоятельствах перевода договоров Руси с греками на славянский язык

Рассматривая включенный в *Повесть временных лет* текст договоров Руси с Византией X столетия, исследователи не раз отмечали встречающиеся в нем в избытке синтаксические сбои. Обычно в них отражались те или иные языковые черты греческих оригиналов договоров, неизбежно проступавшие в славянском тексте вследствие большего или меньшего буквализма переводов, что уже было давно распознано филологами¹. Ярким примером могут служить датирующие формулы с именами императоров в начале договоров 911 и 944 гг.: «при тѣ^x же црѣхъ . Лва . и Алексан^дра», «при цри Раманѣ и К^остантинѣ и Стефанѣ . х^олюбивыхъ влѣдкѣ»². Неожиданное появление родительного падежа в окончании этих формул, явно диссонирующего с предложным в начале, вызвано калькированием греческого оригинала, где предлог ἐπί («при») во временном значении требовал при себе именно родительного падежа: ἐπί τῶν αὐτῶν βασιλέων Λέοντος καὶ Ἀλεξάνδρου и т. п.³

Вместе с тем, среди подобных синтаксических сбоев в славянских переводах договоров есть и такие, в отношении которых — по крайней мере на первый взгляд — трудно восстановить греческий прообраз, который мог бы породить их. Именно на несколько таких примеров, до сих пор, кажется, не обсуждавшихся в науке⁴, мы и хотим обратить внимание в этой заметке.

Примеров несколько, но все они однотипны и сконцентрированы в одном месте — списке послов договора 944 г., что позволяет предполагать общую причину их возникновения. Вот как выглядит интересующая нас часть списка послов:

Иворь, съль Игоревь, великаго князя Русьскаго, и обьчии сълы: Вуефасть Святославль, сынъ Игоревь, Искусеви Ольгы княгыни, Слуды Игоревь, нетии Игоревь, Улѣбъ Володиславль, Каницарь Передьславинь, Шихъбернь Сфандрь, жены Улѣблѣ, Прастѣнь Турьдовъ <...> Прастѣнь Акунь, нетии Игоревь, Кары Студьковь

и т. д.⁵

В целом, список не дает пояснений, кем именно были отправители послов — за некоторыми исключениями, которые и занимают нас здесь. Дело в том, что пояснение «нетии Игоревь» в обоих случаях своего употребления стоит в именительном падеже, не согласуясь по смыслу с предшествующей притяжательной формой, т. е. по сути с генетивом: «Игоревь нетии Игоревь», «Акунь нетии Игоревь». Эта особенность засвидетельствована всеми глав-

нейшими списками и текстологически не может быть оспорена, несмотря на то что по некоторым рукописям заметно, насколько такие чтения иногда приводили в затруднение редакторов и переписчиков. Так, в списках летописей новгородско-софийской группы второе «Игоревъ» в выражении «Игоревъ нетии Игоревъ» было опущено, в результате чего в *Софийской I* возникло внешне безупречное чтение «Слуды Игоревъ нетии» или, если угодно, «Игоревъ нетии Ульѣбъ»⁶, а в *Новгородской IV* — даже «Слугы Игоревы нетии»⁷. Консервации номинатива «нетии Игоревъ» во втором из приведенных выше случаев, вероятно, способствовал тот факт, что первоначальное «Акунь» уже на одном из самых ранних этапов бытования славянского перевода договора 944 г. оказалось исправлено на номинатив «Акунь / Якунь» (так во всех без исключения списках) — вполне вероятно, опять-таки из стремления избежать синтаксической коллизии внутри непростой для переписчика последовательности имен «Прастѣнь Акунь нетии Игоревъ Кары»⁸.

Обратимся к аналогичной синтаксической особенности в выражении «Вуефастъ Святославль, сынъ Игоревъ». Она еще более выразительна и была бы, вероятно, оценена текстологами, если бы *Ипатьевская летопись* не сохранила внешне вполне «правильного» чтения «Вуефастъ Святославль, сына Игорева». С *Ипат.* здесь обнаруживают нередкое для себя специфическое, хотя и частичное, схождение летописи *Радзивилловская* и *Академическая*⁹, демонстрирующие невразумительное «Святославль, сына Игорева». Как следствие, чтение *Ипат.* вошло, например, в основной текст обиходного издания *Повести временных лет*, подготовленного Д.С. Лихачевым¹⁰. Предпочтение ему оказывал и А.А. Шахматов¹¹ — думается, без достаточных оснований, так как солидарное чтение *Лавр., Тр.* и списков новгородско-софийской группы представляет собой надежно зафиксированную *lectio difficilior* «Святославль сынъ Игоревъ». Она присутствовала, как можно думать, и в тексте, который был в распоряжении составителя протографа *Радз.* и *Акад.* списков, т. е., как принято думать, владими́ро-суздальского свода начала XIII в.¹², поскольку иначе правка «Святославль» на «Святославъ» была бы совершенно не мотивированной. Таким образом, при работе над этим сводом, редактор которого и в других случаях замечен в сознательной правке своего источника¹³, столкнулись две встречные редактуры — внутренняя (изменение «Святославль» на «Святославъ») и внешняя, на основе южнорусского списка, родственного *Ипат.* («сынъ Игоревъ» переделано в «сына Игорева»).

Вооруженные этим наблюдением, мы сразу же обнаружим еще одну, куда менее заметную, но оттого не менее значимую некорректность: «Искусеви Ольгы къягыни». Глаз современного читателя не испытывает здесь никакого преткновения, но оно возникает, коль скоро мы примем во внимание, что традиционной, идущей от церковнославянского языка формой родительного падежа в древнерусском была бы «къягыня», а «къягыни», напротив, яв-

ляется регулярной формой именительного падежа. Форма номинатива на *-я* представляет собой древнерусскую новацию, по частотности употребления в текстах много уступающую обычным вариантам на *-и*¹⁴. Уместно подчеркнуть, что в главнейших списках *Повести временных лет* (*Лавр.*, *Радз.*, *Акад.*, *Ипат.* и *Хлебн.*) в качестве формы номинатива присутствует исключительно «княгыни», тогда как вариант «княгыня» вообще ни разу не встречается¹⁵ — если не считать единственного спорного случая, как раз в разбираемом нами месте, когда в *Ипат.* и *Хлебн.* находим «Искусеви Ольги княгыня». Таким образом, вариант «Ольги княгыни» вполне мог спровоцировать редактора протографа *Ипат.* и *Хлебн.* списков на логичное исправление «Ольги княгыня» — точно так же, как строкой выше он уже поправил «Святославль сына Игорева». Консервации же первоначального синтаксически нерегулярного чтения «Ольги княгыни» под пером позднейших переписчиков в летописной традиции Северо-Западной и Северо-Восточной Руси способствовала экспансия генетива на *-и*, так что сочетание «Ольги княгыни» стало восприниматься как вполне корректное. Обратное предположение — что первоначальный регулярный генетив «княгыня» в северном летописании оказался поновлен на «княгыни» — кажется нам значительно менее вероятным, ибо тогда становится непонятным, почему подобное редакторское поновление никак не коснулось всех остальных случаев употребления термина «княгыни» в пределах *Повести временных лет*. Если же учесть, что сочетание генетива «Ольги» с номинативом «княгыни» стоит в ряду трех аналогичных сочетаний из списка послов договора 944 г., то его изначальность, полагаем, станет еще более явной.

Чем же объяснить такую однотипную синтаксическую ошибку, настойчиво повторяющуюся на ограниченном участке текста? Она не могла возникнуть по вине переводчика с греческого, ибо в греческом оригинале, в отличие от приведенных в начале нашей заметки примеров, везде — так же, как в славянском — должен был бы значиться исключительно родительный падеж (Σφενδοσθλάβου τοῦ υἱοῦ Ἰγγορος и т. п.), что ни в коем случае не могло бы спровоцировать переводчика на ошибочное введение падежа именительного.

Мы видим единственную возможность пролить свет на отмеченную удивительную языковую особенность списка послов из договора 944 г. — предположить, что пояснения к именам отправителей послов, вроде «сынъ Игоревъ» и др., первоначально представляли собой не органическую часть договора, а глоссы на полях, выдержанные, естественно, в номинативе и на каком-то этапе бытования текста механически перекочевавшие, как то в подобных случаях часто бывало, непосредственно в его состав¹⁶.

Теперь обратимся к единственному случаю в списке «объчих сълов», когда рукописная традиция не дает оснований констатировать несогласованность в падеже между именем отправителя посла и пояснением к нему — это «Сфандръ, жены Улѣблѣ». Более того, непоколебимо зафиксированное чте-

ние «Сфандръ» в славяноязычном контексте выглядит номинативом, что делает генетив «жены Улѣблѣ» еще более показательным. Мы, разумеется, не поддадимся соблазну просто инверсировать нашу гипотезу, предположив, что на этот раз «жены Улѣблѣ» стояло в тексте, а имя «Сфандръ», напротив, служило разъяснением-маргиналией. Разгадку, думается, надо искать как раз в происхождении формы «Сфандръ», слишком не подходящей для родительного падежа женского имени. Она успела доставить лингвистам немалые затруднения. Видимо, следует согласиться с тем, что мы имеем дело со скандинавским по происхождению антропонимом, производным от др.-сканд. **svan-* «лебедь», которое выступало в качестве первого компонента женских имен (типа *Svanhildr* и др.). Однако восстанавливаемая при этом для упоминания в договоре 944 г. форма — почему-то именно *Сфан(ъ)д(а)*¹⁷ все-таки не вполне объясняет реально и прочно засвидетельствованное «Сфандръ». Это подтолкнуло Б. Струминьского к абсолютно фантастической реконструкции «Сфаны др. (т. е. «другой». — *А. Н.*) жены Улѣблѣ», откуда будто бы в итоге и возникло искомое «Сфандръ»¹⁸. По нашему мнению, здесь естественнее всего было бы усмотреть влияние греческого языкового посредства: под пером византийского нотариуса или переписчика скандинавское женское имя типа *Svanhildr* или *Svanþora* могло, испытав непредумышленное воздействие крайне частотного греческого генетива *ἄνδρος*, *-ἄνδρου* (в составе композитов) превратиться в *Σφάνδρος*. Не было бы ничего удивительного, если бы переводчик на славянский язык воспринял бы это последнее, стоящее непосредственно следом за номинативом «Шихбернъ», уже как *nominativus masculini* — отсюда форма «Сфандръ»; правда, «жена Улѣбля» при этом оставалась без имени, но для древнерусского книжника именовать княгинь по мужьям было обычаем.

Так или иначе, нет причин предполагать первоначальное «Сфандръ»¹⁹, которое могло бы индуцировать генетив «жены Улѣблѣ», так что этот последний, тем самым, надо признать изначальным, не принадлежавшим к совокупности очерченных нами выше маргиналий. Очевидно, положение Сфандры (остановимся на этой условной форме ее имени) в корпорации отправителей послов («княжьи») было таково, что, в отличие от других женщин (Ольги, Передславы и, может быть, Уты), по каким-то причинам требовало пояснения. В этом отношении оно оказалось оформлено так же, как имя Игоря — «великаго князя Русьсаго». Чем именно статус Сфандры мог отличаться от статуса, скажем, Передславы, здесь обсуждать не место; ограничимся констатацией важного факта, что имущественно-генеалогические отношения, лежащие в основе формирования коллектива «княжьи»²⁰, как выясняется, были довольно сложны и разноплановы: Сфандра входила в него как жена (видимо, вдова) некоего Улеба, тогда как Передслава — сама по себе.

Возвращаясь в завершение к тем четырем случаям, которые позволили нам высказать предположение о маргиналиях, заметим, что коль скоро оно

верно (а мы не видим ему альтернативы), то влечет за собой несколько немаловажных следствий.

Прежде всего, ясно, что такого рода маргинальные глоссы не могли появиться в собственно славянском, древнерусском, переводном тексте договора князя Игоря, ибо имена Святослава и Ольги вряд ли требовали пояснения со стороны древнерусского переводчика или древнерусского редактора славянского перевода. Следовательно, маргиналии присутствовали в том списке греческого текста договора, с которым имел дело его переводчик на славянский язык. При этом для нас не столь существенно, были ли они первоначально переведены именно в виде маргиналий и только в ходе дальнейшей переписки на древнерусской почве внесены в текст, или оказались инкорпорированы в договор уже самим переводчиком.

Далее, такого рода пояснительные глоссы, понятно, никоим образом не могли быть присущи оригиналу договора. Тем самым, приходится оставить мысль о переводе с того экземпляра договора, пусть и грекоязычного, который должен был храниться в киевском княжеском архиве. Надо думать, к моменту перевода этот экземпляр был утрачен и перевод делался с копии константинопольского варианта договора. Если так, то получает еще одно веское подтверждение и без того весьма убедительная гипотеза Я. Малингуди, что в основе славянского перевода всех трех русско-византийских договоров X в. лежали списки из копийной книги императорской канцелярии²¹.

Наконец, такого рода глоссы, как «нетии Игоревъ», имели практический смысл только для современников заключения договора и, очевидно, были сделаны одновременно с изготовлением его канцелярской копии с той же целью, с какой туда вносилась другая сопроводительная информация — например, сведения о процедуре ратификации со стороны Руси, которых не могло быть в греческом экземпляре договора, но которые есть в славянском переводе²². Вполне вероятно, что указания на близкое родство к князю Игорю ряда лиц (его сына, жены и анепсиев-племянников) имели значение при задачах церемониальных сумм во время приема послов в императорском дворце — вроде описанных Константином Багрянородным по случаю приема во дворце княгини Ольги и русских послов²³.

В то же время становится понятным, почему родословные определения представителей «князьки» носят в договоре 944 г. столь спорадический характер, что не раз вызывало удивление историков; несомненно, они могли бы быть и были бы более последовательными, если бы исходили от русской стороны.

1 См. прежде всего соответствующий, третий, раздел монографии Н. Лавровского: О византийском элементе в языке договоров русских с греками. *Русский филологический вестник*. Варшава, 1904. Т. 52, 31–92 (впервые изыскание вышло в 1853 г. отдельным изданием).

2 *ПСРЛ* 1: 46; *ПСРЛ* 38: 20 (договор 911 г. в *Лаврентьевском* списке не сохранился, поэтому приходится прибегать к текстологически близким *Радзивилловскому* и *Московско-Академическому* спискам); *ПСРЛ* 2: 23, 35.

- 3 *Лавровский Н.* О византийском элементе, 50–56; J. Malingoudi, *Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht* (Thessaloniki, 1994), 81; Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики (окончание). *ВВ.* Т. 57 (82), 82. Впрочем, Н. Лавровский предпочитал реконструировать греч. πρός + *genet.*, но этот выбор объясняется его неверным пониманием выражения «при тѣхъ же цѣсарихъ» как «у тех же цесарей», «перед лицом тех же цесарей», к которому напрасно присоединился С.М. Каштанов: *Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв.* М., 1996, 39.
- 4 Ср., впрочем, примеч. 16.
- 5 *ПСРЛ 1: 46; ПСРЛ 2: 35;* Приселков М. Д. *Троицкая летопись: Реконструкция текста.* СПб, 2002, 74.
- 6 *ПСРЛ 39: 39.*
- 7 *ПСРЛ 4, 1: 30.*
- 8 Конъектура «Акунь» (вместо повсеместного «Акунъ») вследствие вполне ясного общего смысла текста (см., например: *Die Nestorchronik.* Übersetzt von L. Müller (München, 2001) [*Handbuch zur Nestorchronik.* Hg. von L. Müller, Bd. 4 = *Forum Slavicum*, Bd. 56], 55) представляется бесспорной. Ее находим, например, в текстологической реконструкции А.А. Шахматова (*Повесть временных лет.* Т. 1: *Вводная часть, текст, примечания.* Пг., 1916, 51 и примеч. к стрк. 16); в издании Д.С. Лихачева явно ошибочное «Акунь» никак не комментируется (*Повесть временных лет.* Подгот. текста, перев., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, исправл. и дополн. СПб, 1996, 23).
- 9 См., например: Шахматов А.А. *Обозрение летописей и летописных сводов XI–XVI вв.* [*Шахматов А.А. История русского летописания.* СПб, 2011. Т. 2, 68–70] (в несколько сокращенном издании 1938 г. этот труд носил название «*Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.*»).
- 10 *Повесть временных лет*, 23.
- 11 *Шахматов А.А. Повесть временных лет*, 51 и примеч. к стрк. 13.
- 12 См., например: Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976, 33.
- 13 Так, в договорах с греками он последовательно добавляет к термину «князь» эпитет «великий», производит вставку «и великих бояр» в договоре 911 г
- 14 *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.* М., 1995, 217.
- 15 Имеются 4 упоминания на пространстве, общем для *Лавр.* и *Ипат.* летописей, и еще 3 — в той части *Ипат.*, которая выходит за хронологические рамки *Лавр.*; наши подсчеты основаны на словоказателе к *Повести временных лет* Б. Грёбер и Л. Мюллера: B. Gröber, L. Müller, *Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik* (München, 1979), Lief. 2, 329. S. v. «КЪНЯГЫНИ» [*Handbuch zur Nestorchronik*, Bd. 3 = *Forum Slavicum*, Bd. 50/2].
- 16 Сходную мысль о глоссах («*erklärende Zusätze*») высказал и Л. Мюллер, который в своем переводе договора на немецкий язык поместил выражения «*der Igor's*», «*der Neffe Igor's*» в круглые скобки (*Die Nestorchronik*, 55 и Anm. 6) («княгынни» применительно к Ольге ученый к этому ряду не относит). Но средневековые тексты, в отличие от современных переводов, не знали скобок в качестве знаков препинания, и потому правильная по сути догадка немецкого русиста повисает в воздухе.
- 17 Томсен В. *Начало русского государства. Из истории русской культуры.* Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. II, кн. 1, 224 (английский оригинал вышел в 1877 г.); E. Melnikova, “The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth century”, *Studia anthropomica Scandinavica — Tidskrift för nordisk personnamnsforskning*, vol. 22 (Uppsala, 2004), 21 (здесь, видимо, по недоразумению постулируется нигде не фигурирующая притяжательная форма *Сфандрь*).
- 18 В. Strumiński, *Linguistic Interrelations in Early Rus'. Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries)* (Roma, 1996), 170, 219 [*Collana di filologia e letteratura slave*, vol. 2]. Невиданное в славянской палеографии сокращение «др.» явилось, по догадке ученого, калькой соответствующей греческой аббревиатуры: «Σφάνης τῆς ἄλλ[η]ς γυναικὸς Οὐλεϊβου».
- 19 Как то делает, например, А.А. Шахматов (*Повесть временных лет*, 51 и примеч. к стрк. 15).
- 20 См. изложение нашей точки зрения на этот вопрос: Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже.* СПб, 2009, 412–418 [*Труды Гос. Эрмитажа.* Т. 49]
- 21 J. Malingoudi, *Die russisch-byzantinischen Verträge*, 79–93; Малингуди Я. Русско-византийские договоры, 79–87.

- 22 J. Malingoudi, *Die russisch-byzantinischen Verträge*, 48–49.
 23 *Constantini Porphyrogeneti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae*. E rec. I.I. Reiskii (Bonnae, 1829), t. 1, 594–598 (cap. II, 15); русский перевод: Литаврин Г.Г. *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.)*. СПб, 2000, 360–364; полный перевод главы II, 15: Новиков Н.Е. Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15. *ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова*. М., 2006, 318–363.

Александр Назаренко

Зять чи брат імператора? Руський князь у візантійській літературі XI–XII ст.

Втіха, з якою іноземні правителі із варварського світу радо приймали з рук візантійського імператора почесні й не зовсім титули, служила предметом кепкувань у візантійській літературі. Неофіти, схоже, сприймали їх як приємний дар, який, до того ж не вимагав негайної відплати. Звичайно вони помилялися — від титулу і форми звертання до них з боку імператора у повній мірі залежало їх місце у візантійській ойкумені, чи, говорячи вже звичним жаргоном, у «візантійській співдружності»¹. Тим не менш, важливо інше: винайдений імператорською канцелярією титул міг використовуватися для репрезентації чи візуалізації влади його власника.

Наведемо чудовий у цьому контексті приклад. Прийнятний для візантійської літератури «термін» архонт (ἄρχων) щодо руських князів після навернення русів до християнства, часто з'являється на печатках, де трансліює, власне, князь: Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἀνδρέᾳ ἀρχοντι πάσης Ῥωσίας чи Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Δαβίδ ἀρχοντι πάσης Ῥωσίας. Якщо на середину X ст. нам добре відома формула звернення до руського князя (εἰς τὸν ἀρχοντα Ῥωσίας. βούλλα χρυσῆ δισολδία. γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλεῶν Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἀρχοντα Ῥωσίας), то цього не можна сказати про час після навернення до християнства, коли напрочуд дивним виглядає практично повне мовчання джерел про можливі титули, а також місце руських князів у «візантійській сім'ї правителів». Навіть беручи до уваги загальну скупість і надзвичайно малий об'єм повідомлень, відведений Русі та її правителям, подібний стан речей не може не насторожувати. Ситуація виглядає ще більш приголомшливо на фоні постульованої важливої ролі Русі в цій уявній спільноті. Спробуємо на цій доволі крихкій основі з'ясувати, яке місце належало Володимирі, сину Святослава, у «сім'ї правителів» і уявлення про нього у візантійській літературі.

Не може викликати жодних сумнівів те, що стара форма послання до руського князя після прийняття ним хрещення, вже явно не відповідала дійсності. Їй на зміну, як це добре видно з *Книги церемоній*, мала прийти звична